

Владимир Апарин

*По следу
малахитовой
внучки*

Владимир Апарин

По следу малахитовой внучки

«Издательские решения»

Апарин В.

По следу малахитовой внучки / В. Апарин — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-938535-2

Продолжение истории о приключениях Михаила Алтарина. На этот раз ему пришлось встретиться с самой Хозяйкой необычных существ, круто изменивших судьбу Михаила. И путь этот будет длинным...

ISBN 978-5-44-938535-2

© Апарин В.
© Издательские решения

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	9
Глава 3	13
Глава 4	17
Глава 5	21
Глава 6	26
Глава 7	30
Конец ознакомительного фрагмента.	32

По следу малахитовой внучки

Владимир Апарин

*Вот она, значит, какая Медной горы Хозяйка!
Худому с ней встретиться – горе, и доброму – радости
мало.*

«Медной горы Хозяйка» П. П. Бажов.

© Владимир Апарин, 2018

ISBN 978-5-4493-8535-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1

Сказать, что я был в шоке, ничего не сказать... Я был раздавлен! Прошное явно возвращалось и мне поплохело. Ватной рукой я нашарил пуфик и присел на него.

– Деда, а почему тётя врач говорила не то, что думала? – дёргала за рукав моя маленькая золотинка.

– А? Что? – кое-как очнулся я.

– Красивая тётя врач говорила: «Не бойся, маленькая девочка, это не больно», а сама думала: «Кошмар! Откуда такая гадость у ребенка?!»

– Почему ты так думаешь? – ужаснулся я, представляя, что всё забытое и благополучно пережитое началось заново.

– Ничего не началось, – успокоила черноволосое и чернобровое чудо своего дела, заглядывая в глаза. – Ничего не началось. Просто я всегда слышу, что говорят, не открывая рта.

– И давно?

– Нет, меня тётя Таня научила.

– Какая тётя Таня?

– Они со Славой к нам в песочницу приходят играть и тётя Таня меня научила.

– Не видел я никого с тобой в песочнице.

– Они приходят в гости, когда я с бабой Лидой остаюсь или с дедом Вовой.

Баба Лида и деда Вова – это мои родители. Они сейчас живут в Плоском. Есть такой дачный посёлок у нас под Красноярском. И когда я занят на работе, они появляются в городе и остаются с моей внучкой.

– Ты не путаешь, чудо моё?

– Нет, баба Лида сказала, не говори деду Мише.

– Почему?

– Ты будешь ругаться.

– Ну когда я на тебя ругался? – прижал я христовенькое дитя к себе, – ну когда?

– Не знаю, – высвободившееся дитя начало кривляться перед зеркалом, – а вот дяди, которые к нам идут, будут ругаться.

Я услышал, как кто-то подходит к двери квартиры и вздрогнул от звонка.

– Кто там?

– Алтарин Михаил Владимирович. Мы из 49—34.

Да, это был мой личный номер, когда я работал в «конторе».

Я естественно открыл дверь перед бывшими коллегами. Их было трое и одного я знал лично. Это майор Кислов Валентин Иванович – невысокий, крепкий мужчина, лет сорока двух. У него я консультировался насчёт драгоценностей. И он прошел в дверь первым.

– Михаил Владимирович, вы меня узнали?

– Ну конечно, – я пожал ему руку.

– А это мои коллеги: капитан Суменцов и капитан Рябов.

– Проходите в комнату, – вдруг вставила своё слово Иринка, – но только оденьте тапочки. Она деловито пошагала в зал.

Гости мои переглянулись.

– Не надо разуваться, – вывел я их из этого состояния, – проходите так, пожалуйста.

Иринка уже сидела в своём кукольном углу и не обращала на нас внимания.

Когда все расселись, майор, взглянув на занятую своими делами Иринку, посмотрел на меня.

– Не обращайтесь внимания, она не мешает, – успокоил я.

– Михаил Владимирович, вот эти вот два офицера, они не совсем такого профиля, как я. Они из разведки, из ГеУ.

Эти две буквы он произнёс отчётливо.

– Так вот, их интересы пересеклись в нашем городе. А ещё точнее, в кабинете участкового терапевта вашей детской поликлиники. А ещё точнее, – он посмотрел на часы, – один час сорок три минуты назад они зафиксировали звонок по их профилю.

– Разведка и детская поликлиника?

– Увы... Это не наше изобретение, но очень серьёзный штатовский агент сидит у нас в Красноярске в детской поликлинике. И после вашего посещения выходит на связь.

– Дичь какая-то...

– Вот именно: дичь. – Подал голос один из капитанов. – агент законспирированный, полностью проверенный нами, вплоть до хронометража по минутам. Я лично его веду уже пять лет. Это мой первый агент, лейтенантский. И вдруг она выходит в активную связь.

– И что она сказала?

– Ничего, она передала алгоритм. Знак означает или «да» или «нет».

– Ну а я то при чём?

– Этот агент уже месяц общается с вашей внучкой, здесь во дворе.

– Так это Людмила Рафиковна?

– Нет, ваша участковая медсестра.

Я отчётливо вспомнил эту женщину в кабинете у врача. Она даже перестала записывать в карточку и подошла посмотреть ножку моей внучки. Я оглянулся на Иринку, та спокойно положила игрушку и подошла ко мне, опершись на коленку, посмотрела мне в глаза.

– Деда, ты теперь будешь меня ругать.

– Тётя Таня – медсестра, ты её сегодня у врача видела?

– Да, и она мне сказала, чтобы я тебе не говорила.

– Вы это слышали? – подал голос другой капитан.

– Ну как он мог слышать? – тётя Таня сказала прямо сюда, – и внучка показала пальчиком себе в лоб.

– Иринка, а что она ещё сказала? – спросил я.

– Ещё она сказала, наконец-то, я не ошиблась.

– Вы что-нибудь понимаете? – обратился ко мне майор Кислов.

– Я не знаю могу ли я говорить, – вздохнул я от мысли, что надо кому-то всё рассказать всё, что со мной произошло. А ещё и от того, что понял: это не сон и всё действительно вернулось. Всё!

– Деда, ты старый пёс? – спросила моя золотинка.

– Откуда ты взяла?

– А почему дядя думает, что ты старый пёс?

Я взглянул на гостей. Покраснел только капитан Суменцов.

– В чём дело, Игорь?! – воскликнул майор и через секунду уставился на меня.

– Да, мотнул головой я, – да!

– Теперь понятно! Ничего себе феномен! – воскликнул он, склоняясь к девочке и намереваясь коснуться её головы рукой. Но внучке уже всё надоело и она, увернувшись, умчалась в коридор к зеркалу.

– Надо объясниться, – повернулся он ко мне.

– Надо. Только отвезу Иринку к родителям, – и, видя, как начало вытягиваться лицо капитана Суменцова, добавил, – к моим родителям.

– В Плоское?

– Да, – я уже не удивился их осведомлённости. «Фирма» веников не вяжет.

– Ну что же... – встал Валентин Иванович, – поезжайте. Буду ждать вас у себя. Олег Петрович, вы проводите, – обратился он к капитану Рябову.

– Что же это необходимо? – спросил я.

– Мы не знаем, что означает передача тёти Тани. Для надёжности надо вас теперь охранять.

– Иринка, – обратился он к внуче, занятой своими делами у трельяжа, – ты не знаешь, где сейчас тётя Таня? Что она тебе ещё говорила?

– Вы её спросите. Она сама сюда идёт, произнес ребенок не отрываясь от игрушек.

Мы онемели. И в тот же миг раздался дверной звонок.

– Так, Олег, в ванную! Ты – в зал и на балкон, – обратился он к Суменцову, – я буду на кухне. А вы постарайтесь пригласить её в зал.

Я открыл дверь. Передо мной стояла действительно медсестра из поликлиники и мило улыбалась. Блондинка с роскошными волосами, в ветровке и джинсах. Камушек серёжек блеснул, отразив люстру прихожей. И что-то знакомое в улыбке... Глаза! Их трудно было не узнать!

– Ты?! – воскликнул я и... куда то провалился. Очнулся от жуткой головной боли и в горизонтальном положении. Шестиглазая лампа неприятно резала глаза. За торчавшим животом выглядывали белые валенки из гипса. А к руке присоединена система капельниц и вливала в меня что-то сапфирное...

Глава 2

Сухими губами я пытался дать о себе знать. И когда устал это делать, надо мною склонилось врачебное лицо в маске и поводило пальцем перед глазами. Было больно вращать зрачками, но я удовлетворил любопытство эксперта.

– Ну, жив и молодец, что жив... Теперь всё будет в порядке.

Он махнул рукой, появилось такое же существо, но женского пола, и, прикоснувшись своею маленькой ручкой, погладило шерсть моей груди и что-то эротически скользкое... просунулось ко мне в подмышку. Я не думаю, чтобы все эти действия были с лечебным смыслом. Но я отчётливо вдруг вспомнил, что уже много лет к моей груди не прикасалась ни одна маленькая ручка. Появилась тяга к жизни и я стал ждать, когда эта ручка вновь прикоснётся к моим подмышкам. Увы! Подошёл эскулап и выдернул прибор.

– Ну вот как хорошо! – посмотрел он на шкалу, – а то вздумали в таком недетском возрасте прыгать из окна третьего этажа! Ай-ай-ай! Взрослый же человек!

– Как это? – прохрипел я.

– А так, уважаемый, и дружки ваши здесь. Вся компания.

– Позовите кого-нибудь из моих родных, у меня там внучка осталась, – прошипел я.

– Наташа, – обернулся эскулап, – позовите, пусть придут.

Старенькие родители мои были перепуганы и с красными глазами. Отец тихо швыркал носом.

– Как Иринка?

Ответа не последовало.

– Ну, чего молчите?

– Миша, Иринка пропала, но её ищут, Миша, ищут, – оправдывалась моя старенькая Ма.

А у родителя случился кашель.

– Мы ничего не знаем. Написали заявление, но когда мы, Миша, приехали, ты уже здесь был. В квартире пусто и дежурный милиционер. Вот Светланке позвонили и ждём сегодня.

– Представляю, – вздохнул я и вспомнил те глаза, что отправили меня сюда... Но как!

– Ма, что случилось то?

– А ты не помнишь?

– А зачем я тогда спрашиваю?

– Клавдия Ивановна говорит, ты с друзьями из окна выпрыгнул, по очереди.

Клавдия Ивановна – моя смежная соседка и близкая родственница Буратино, любит всюду совать свой нос. И если она говорит, что выпрыгнул, то это точно.

– А Иринку она не видела?

– В том то и дело, Миша, правнучка наша ушла с какой-то женщиной.

Человек странно устроен. По сути он всего лишь около двух килограммов серого студня в черепной коробке, всё остальное – его интерфейс: ноги, груди, губы, руки, уши. И всё это периферийное добро стареет и очень быстро. И чтобы не запутаться, мозг начинает сам себя обманывать, использовать сигнал от дряблого интерфейса как новый. Но есть и контрольный прибор, то есть маркер самоидентификации, часть мозга, выведенная наружу. Это зеркало души – человеческие глаза. Маркер надёжный! Скоро по нему начнут идентифицировать как по отпечаткам пальцев. И я теперь вспомнил эти эти сверлящие контрольные приборы из открытой двери.

– Нет, – в неверии покачал я головой сам себе.

– Что с тобой, Миша? – мать прикоснулась своим интерфейсом, тьфу, своей тёплой ладошкой к моей голове. – Вроде жара нет.

– Ладно, ма, идите домой. Я устал.

– Тебе точно ничего не нужно?

– Если бы, – вздохнул я.

И неразлучная парочка, как по команде, удалилась.

А меня понесло!

Всё, что я пытался эти годы не вспоминать, вывалилось наружу и сознание упорно выдвигало это на обдумывание.

– Я же видел страшную смерть этой женщины от доньшка взорвавшейся бутылки Советского шампанского. Они, наверное, вылечили её тогда! Сволочи! Не могли предупредить?! Да! Да! Видимо я всё же большой дурак! Они ловят на живца! От того, что я почувствовал себя подопытным кроликом, меня передёрнуло. Ничего себе ощущениее, бедные собачки Павлова!

Пока я так веселился, за дверью возникло какое-то движение. И несколько человек без халатов ввалились в палату, один из них, как паук, на четырёх конечностях.

– Совсем крыша поехала, худо дело... – подумал я, узнавая в пауке Валентина Ивановича.

– Товарищ майор, вы что ли?

– Вот видишь, – обратился к кому-то майор, – узнаёт. А ты говорил, бредит.

У Кислова была в гипсе правая нога и той же масти рука на повязке через плечо.

– Собирайся, Михаил Владимирович, собирайся.

– Куда?

– Ты не видел, что эта подруга с капитанами сделала. Поехали к нам. У нас охраняемая база – госпиталь, лес, воздух и безопасность.

Он плюхнулся на краешек моей кровати.

– Знаешь кто это, с нами сделал?

– Догадываюсь, – прошипел я.

– А что молчал? Э! Да что теперь... Теперь тобой такие фрукты займутся. Лучше бы мне рассказал.

– Извини, не успел, – вздохнул я.

– Поехали, Миша. Тебе, видать, ещё хлебать не расхлебать. Так хоть время выиграешь.

– Я только за, – прохрипел я.

Время выигрывать меня привезли в Ленково. Это санаторий ФСБ. Весь день меня двигали и трогали только врачи. Вечером явился Валентин Иванович. Ему выделили электрическую коляску и он лихо на ней накручивал разновеликие траектории. В конце одной из них майор появился у меня в палате с огромным апельсином.

– Да я ещё и рот то раскрыть не в силах, – поблагодарил я его.

– Ничего, путь будет индикатором. Как только сможешь съесть, так, считай, выздоровел. А?

Жизнерадостность этого человека была исцеляющей. После каждого появления мне становилось гораздо легче.

– Слушай, там сейчас подключены самые большие силы. Ищем твою внучу. Ищем, друг. У нас иголка в Енисее найдётся.

– Тут другое, Валентин Иванович. Вы моё дело смотрели?

– В том то и дело, что нет. Нет твоего дела. В Москве оно, гриф «секретно», для ограниченных лиц. Так что давай колись, пока столичные не налетели.

– Вам надо связаться с Семёновым Иваном Ивановичем. Он вёл моё дело.

– Знаю такого. Он сейчас генерал-лейтенант, не в конторе конечно. Два года по-моему был в Совете Федерации, в настоящее время заведующий кафедрой в академии ФСБ.

– Высоко забрался.

– Дааа, – мечтательно произнёс майор, – станет ли он на нас время тратить.

– Что, власть так меняет?

– Да нет. Говорят, нормальный мужик.

Он вплотную подъехал и заговорщицки тихо произнёс:

– Слушайте, Михаил... Можно называть Михаил?

– Да, конечно.

– Вот что, Михаил, там наши коллеги в разобранном виде. Может ты примерно знаешь, как им хоть помочь? У них же семьи, дети. Ты же сталкивался. Их сейчас заберут в Москву и добьют этим окончательно.

– Совсем ничего не помнят и никого не узнают?

– Ну! Вот ты же в курсе.

– Сам был в таком состоянии. Надо найти кого-то из этих существ. Они вылечат.

– Каких существ? Они, что, не люди? – воскликнул он.

Я махнул рукой с досады и отвернул голову к стенке.

– Ну извини. Я не верил в это всё. Понимаешь, я должен это пощупать, потрогать, лизнуть. Я – практик. А так по рассказам...

– У тебя переломанная нога и чуть не оторвана рука. Какие ещё тебе нужны доказательства?

– Брось. Это всего лишь гипноз. Но не существа!

– Расскажи об этом своим двум капитанам. Это их позабавит, если конечно они тебя расслышат.

Этот Фома неверующий долго молчал, пыхтел, уставившись в одну точку и наконец родил.

– Пожалуй, поверю. Но что же это получается? По стране разгуливают нелюди, в смысле не человеки, и делают, что хотят?!

– Да они уже, по-моему, по всему миру делают, что хотят.

Тогда, двадцать лет назад, я увидел работу настоящих профессионалов. Всё, что с мной произошло, произошло у них на глазах. Я всегда чувствовал их плечо. Правда они были романтиками что ли... То, что начал делать этот деятельный майор, показало, что это поколение другое. Прагматическое и... тормознутое.

Через час после нашего разговора он привёл с собой человека, и они записали весь наш разговор: что, где, когда и почему. Я ответил, как мог.

– Да, Михаил, – почесал он голову и упилился на своей коляске в коридор.

Через сорок минут он снова появился с казённым бланком и листом бумаги.

– Что это? – удивился я.

– Понимаешь, Михаил, у меня к тебе просьба. От нас от всех. Может это поможет спасти моих товарищей.

– И моих, – вставил я.

– Да, да, ты прав. Поэтому я не буду тянуть кота за хвост. Ты мужик мужественный. В общем, это постановление на эксгумацию А тут надо расписаться, что ты не против.

– Чью эксгумацию? – насторожился я.

– Твоей жены.

– Ты с ума сошёл? – как можно громче зашипел я. – Идиот что ли, трогать её память?

– Так надо. Я думаю, надо начинать с этого.

– Зачем? Это чудовищная глупость. Что вы там найдёте?

– У этих двоих следы укулов, – спокойно ответил он, – вещество из неопределяемых, но похоже на тетрадиамидмитемизир.

– Это что ещё?

– Это новейшие разработки, слитетиновамфетаминной группы.

– Ну а моя жена зачем вам понадобилась?

– Не жена, а её останки. Прости. Её же чем-то вылечили от такого случая.

– За эти двадцать лет и следов не осталось от лекарства.

– О, Миша, ты отстал брат, они один атом на девять миллиардов находят. Так что подписать, Миша, надо.

Он немного помолчал.

– Время идёт, Миша, мы же можем и у родителей твоих спросить и всё решить без тебя.

– Вот вцепился!

– Ты пойми, там мои ребята и я хочу их вылечить, если есть хоть один шанс из тысячи.

– Не надо родителей трогать, – прошипел я, – можно мне хоть посмотреть?

– Не надо, Михаил, поверь мне. Пусть лучше она будет у тебя в памяти молодой. Я уже сталкивался с таким делом.

– Вы не очень то её тревожьте.

– Ты что? Они возьмут только небольшую выемку из кости, грамм десять не больше.

Я подписал. А майор протянул мне свою сильную лапу, по-другому не назвать этот молоток.

После того, как он укатил, я остался в тишине до тех пор, пока медсестра не пришла ставить систему.

Но мысли мои были далеко. Я вспомнил свою Леночку и... пришлось поморгать немного глазами, чтобы не накликать какой-нибудь клизмы.

Утром, после завтрака, в палату вошли мои старики, въехал майор и мужчина в форме прокурорских. У родительницы были красные глаза, родитель швыркал носом и они были явно расстроены.

– В чём дело? – спросил я первым.

– Миша, ну как же так? – воскликнула моя ма.

– Михаил, – вперёд выехал майор и протянул фотографии, – могила пуста. Там никого нет и давно... Вот протокол экспертизы.

Глава 3

Моя старенькая родительница после этих слов взвыла. Все молчали. Папа Вова налил стакан воды и громкое всхлипывание прервалось громким глотком моей старушки. Эскулапы увели ее из палаты вместе с отцом.

Я был расплюсчен новостью и не знал как реагировать. Первым продолжил разговор майор.

– Наш криминалист говорит, что следов тела в гробу нет, а, следовательно, тело было извлечено сразу после похорон. Сразу! Понимаешь?

– Зачем? – воскликнул я.

– Прочитал? – забрал у меня бумаги Валентин Иванович, – вот здесь подпишись. И здесь. – Он тут же отдал бумаги прокурору и подождал пока тот уложит бумаги в портфель и исчезнет из палаты.

Подъехав вплотную ко мне и наклонившись к самому уху, он понизил голос до инфразвука:

– Слушай, друг, тут, видимо, что-то крупное. У меня нюх на большие дела. Мне надо знать всё, понимаешь, всё до последнего эпизода. Я помогу тебе, Михаил, но и ты помоги себе и мне заодно.

– Да, что-то я растерялся, – вздохнул я, – да-да. Но мы с тобой вот в этом, – показал я на гипс, – и освободимся только через месяц. Не раньше. Представляешь, Валентин Иванович, где будет Иринка?! Ее легко за кордон увезут.

– Возможно. Но это дело решаемое. Мы подключим самые мощные силы. Ты же знаешь возможности «конторы». Я тебе больше скажу, и ты прими это как самое полное к тебе доверие, Михаил. Это мой шанс. Я тоже хочу в Совет Федерации. Ты понял? Я буду тебя полностью информировать, даже более того, фактически ты будешь управлять операцией. Добро?

Вот как раз этого мне и не хватало накануне шестого десятка руководить какой-то операцией!

– А ты, Валентин Иванович, уверен, что по окончании этой операции попадешь в Совет Федерации?

– А куда?

– Куда-нибудь выше, гораздо выше – гулять по лунной дорожке.

Майор добродушно засмеялся и назидательно погрозил пальцем.

– Ладно, неси телефон, Валентин Иванович, будем звонить генералу Семенову, – прошипел я в надежде побыстрее остаться в одиночестве.

Звук электродвигателя исчез в коридоре.

– Леночка моя! – чуть не завыл я, когда остался один, – ласточка моя! Что же это такое? Не дают нам покоя – ни тебе, рыбка моя, ни нашей внучке. Землю, девочка моя, буду грызть, но я добьюсь правды. Я найду, где ты и приду к тебе с Иринкой и присяду около тебя и...

Тут кто-то задел меня за плечо.

– Михаил, да что с тобой? Зову, зову, а ты как не в себе. Может доктора позвать? – осторожно говорил со мною майор.

Я подождал, пока высохнут душевные слезы и бодренько вздохнул.

– Всё нормально, Иванович. Всё в порядке.

Через минут в принесенной трубке раздался глухой темборок, который не изменили даже годы.

– Иван Иванович, это я, Михаил Алтарин. Вы, наверное, не помните меня?

– Миша? Миша, друг! Конечно помню! Разве такое забудешь?! Ну как ты собственно меня нашел? А вообще-то понимаю, Миша, видимо, что-то случилось?

– Да, Иван Иванович, случилось.

– Ну тогда не по телефону, давай ко мне. Я организую.

– Пока не могу. В гипсе. А мне помог до вас дозвониться местный товарищ, майор Кислов.

– Я наведу справки и попрошу местное руководство тебе помочь добраться сюда. Как ты говоришь фамилия майора?

– Кислов Валентин Иванович.

– Давайте с майором ко мне при первой возможности. Я попрошу начальство не затягивать с этим.

– Но пострадали люди, возможно смертельно. И внучка моя пропала, Иван Иванович! Как отсюда уезжать?

– Здесь все материалы!

– Не твоя забота, местные сделают как надо. Честно тебе скажу я никогда не верил, что твоя история закончилась. Но по любому сюда. Здесь и долечитесь.

Звук был поставлен на усиление и майор всё слышал. Он радостно принял телефон и счастливо заблестел глазами.

– Ну теперь двинемся вперёд, – заметил он. Правда я не понял к чему это относится: к поезду или расследованию.

Вообще майор представлял из себя фонтан, нет, вулкан деятельности и активности. Бинты гипсов лишь подчеркивали мужественность ситуации, а бланш под его глазом – непосредственное участие в событиях.

Меня это не радовало, и я решительно выставил его из палаты, прошипев:

– Иваныч, слушай, я устал. Давай всё оставим на завтра. Позови родителей.

Притихшие голубки смиренно уселись на противоположной кровати.

– Что вы там видели?

– Да ничего особенного. Гроб иссинел и перекрытие провалилось, – хлопнула носом моя мать.

– Что там сыро что ли?

– Да нет, не заметно, чтобы сыро было, – продолжил отче, – но всё почему-то сгнило.

Надо сказать, что у нас под Красноярском хоронят, устраивая перекрытие из досок, чтобы земля не касалась гроба. Про то и вёлся разговор. Доски для перекрытия должны быть сухими, чтобы дальше не проваливалась могила. А сгнило лишь от одного, положили сырой материал!

– Странно, я помню доски из нашей столярки брал сухие, звонкие, двадцатка.

– Куда там! Какое-то разнокалиберное гнильё торчало.

– Ну хватит вам уже, – всхлипнула старушка.

Её, видимо, до ужаса пугала эта тема нашего «мужского» разговора.

– Да как же так, а, Миша? – начала опять она «мокреть».

– Ну ладно, хватит, мать. Видишь и ему нелегко. Пойдём-ка лучше домой. Выпишется наш Михаил из больницы и всё объяснит. И тут же обратился ко мне. – Миша, а что про Иринку слышно?

– Ищут, батя, ищут. Все, кому положено, поднялись и ищут.

– Может через телевидение?

– Да. Я попрошу, – я обрадовался, удивившись, почему это я сам не додумался.

Эта мысль теперь стала моей идеей фикс. И как только мои благообразные родители удалились, я тут же дотянулся до кнопки и вызвал медсестру.

– Позовите майора, срочно! – просипел я встревоженной сестричке, ввалившейся в палату на мой зов.

– Сейчас, – кинулась она выполнять мою просьбу, но перед выходом оглянулась на меня. Лицо её было закрыто повязкой, но глаза... Думаете, я их не узнал?!

Едва въехал майор, я тут же, поднявшись на локтях, как мне показалось, заорал! На самом деле очень громко прошипел:

– Где эта медсестра?

И едва она появилась в двери, я тут же запустил в неё стаканом, шипя при этом:

– Лови! Лови её!

Ничего непонимающий майор разинул рот от увиденного. А сестричка вдруг подпрыгнула и с силой пихнула майоровскую коляску в мою сторону. Я в это время уже перемещался по воздуху, вынырнув из кровати за ней. По законам механики мы испытали центральное столкновение с вывалившимся майором и, обменявшись импульсами, тут же у кровати приземлились. По нам проехала включенная коляска и перевернулась. От обнуления веса мотор пошёл в разгон и рубил спицами колеса по больничному халату Кислова, через оборот затягивая на себя отворот его воротника. Это грозило ему ближайшим перекрытием кислорода!

– Помогите! – что есть мочи заорал этот мужественный человек.

– Уффф, – вздохнул я, – хоть что-то толковое от этого человека за прошедшие секунды. Вбежавший персонал нас растащил по местам дислокации.

– Где медсестра? – не унимался майор.

– Какая? – хором ответили эскулапы.

– Дежурные, скорее задержите её! Срочно вызовите группу для задержания.

– Успокойтесь, – ответили эскулапы, – вот ваша медсестра.

И нам представилось хрупкое создание совершенно другой комплекции и другой масти. Та была... брюнетка!

Так вот, всё кончилось тем, что через час у палаты возник охранник в накинутом на погоны халате и продавленным ремнём от АК. А мы с майором доказывали его коллегам, что коллективных галлюцинацией не бывает. Или бывает? Четыре гипса на двоих и столько же у тех «бессознательных» капитанов свидетельствовали о спорности этого утверждения.

Наконец ответы были найдены вместе с халатом и повязкой в мусорном приемнике третьего этажа. И все сразу присмирели и устали на меня.

– Ты смотри какая наглость, – произнёс кто-то из сотрудников майора.

– Зачем ей понадобилось приближение к нам так близко, вот в чём вопрос, – отреагировал тот и посмотрел на меня.

Меня это уже утешило, и я пожал плечами. Я покачал головой и отвернулся к стенке. И только по звуку двери понял, что все испарились.

От всех волнений дня меня накрыло мгновенно. Ничего не помню, только щемящее чувство тоски...

И солнечный день. Сестричка устанавливает капельницу, улыбается мне. Вводит внутривенно иглу. Кое-как дожидаюсь окончания процедуры. Сестричка милая и воздушная и это вызывает чувство почти физической боли. Попробуйте сами двенадцать часов не ходить в туалет.

– Вам плохо? – наивно спрашивает она, – вы что-то хотите.

– Пришлите кого-нибудь пострашнее.

Они не понимают и уставилась на меня. Я продолжаю.

– Утку принесите.

– Глупости, – восклицает она и приносит «посуду».

– Ну?

– Выйдите.

Она выходит.

Через полчаса появится электроприбор с содержимым в виде майора. Он счастливей меня, у него для таких случаев в стуле дырка. И он появится не один, а с такой же коляской. Вот теперь я счастлив. Меня меряют, щупают, опаивают лекарствами и, спросив не кружится ли голова, усаживают в такое же кресло с дыркой.

Мы путешествуем по коридору в столовую. А часов в одиннадцать – водные процедуры. В свои неполные пятьдесят меня моет женщина-монстр, да и вообще женщина ли? Чтобы не попасть в неудобное положение, думаю о ней как о «монстре». Получается слабо. Она довольна, я расстроен. И наконец после обеда, передевшись в новые спортивные костюмы, мы с майором, размещаемся в карете «скорой помощи». Нас везут в Емельяново на аэродром. Механизм государственной машины заработал...

Глава 4

Под облаками уже всё встало на свои места... В тот день я наслаждался Красноярской осенью в гордом одиночестве у речного вокзала. Здесь это время ярче, чем у нас в Петропавловске. И река – она не течёт, она несёт, её прёт от своей силы. Это центр страны и это ощущается во всём, даже в течении Енисея. А когда две старушки возникли вдали набережной, мои философские рассуждения прекратились, очень уж они были подозрительно силуэтно знакомы. Я даже привстал со скамейки, чтобы убедиться в реальности. Но тёплые ладошки сзади ухватили меня за голову и прикрыли глаза.

– Ты! – обмерев от догадки, проговорил я.

– Я, – шепнули мне в ухо тёплые губы и отпустили меня, но я не успел обернуться, маленькая ножка будущей дочи пнула меня по почкам. И это был самый счастливый пинок в моей жизни. Старушка Ба и Августа Яковлевна весело хихикали, а я от волнения забыл с ними поздороваться и, уткнувшись лицом в волосы моей Леночки, не верил в происходящее. И только повторял: – Как?

– Ну успокойся, мил внук. Разве бабушки бросают в беде своих внучат?

Старушки окружили нас, стоящих с Леночкой и гладили своими ладошками по спинам.

– Как же так? — посмотрел я в любимые глаза.

– Лучше не спрашивай, всё равно ничего не помню, – огненно покраснела до кончиков ушей моё черноволосое чудо.

Мы все уселись на лавочку и смотрели на Енисей на очередное усилие очередного теплохода, сделавшего громадную дугу против течения чтобы пришвартоваться. У него получилось. Все вздохнули, а я сходил в киоск за Красноярским пломбиром, ещё одной причиной влюбиться в этот город. Потом я сводил мой маленький отрядик в буфет Речного вокзала поесть, а затем повёз в общежитие. В то время по городу разъезжали громадные и неповоротливые Лиазы, одним достоинством которых была вместимость до двух рот солдат, вторым – посадочные места у заднего входа. На них пассажир были повёрнуты к салону тылом и находились в своём уютном мирке перед огромным окном, украшенным компостером.

Мы с Леночкой сидели, прижавшись и ощущали тепло друг друга, и совсем не смотрели в окно. Нас окликнули наши старушки, собравшиеся на выход. Оказывается, они, разыскивая меня, уже были в общежитии и узнали остановку автобуса. Надо сказать, что в каждом общежитии Советского Союза существовало такое существо, которое всё знало и от которого всё зависело. Оно было поименовано грозным званием коменданта. В общем, общежитие – это миниатюрная моделька нашей Родины и, если лидер этой модельки был умный, то и жизнь в общежитии, как и в стране, была прекрасной. Ну у кого бы возникла в голове хоть бы мысль поставить «пятнистого» комендантом хоть какого-нибудь общежития? Явный абсурд! А вот президентом большой страны, пожалуйста! Нет! Вы проверьте мою идею, представьте Ельцина комендантом? То-то же. И вообще все со мной согласятся: комендантом должна быть женщина. Нашу звали Татьяна Фёдоровна Лискова и она в тот день встретила нас в фойе за стойкой дежурного. Видимо подменяла кого-то, ей это было не трудно. Комната Татьяны Фёдоровны дверью выходила как раз тоже в фойе. Она посмотрела на нашу компанию поверх очков и вдруг улыбнулась.

– А, Миша, нашла тебя твоя бабушка. Значит я ей правильно объяснила.

– Всё правильно, нам и искать не пришлось, – как старой знакомой ответила моя Ба.

– А я говорю, что ты всё один да один. Ну бабушка твоя и уговорила показать, где ты бываешь по выходным.

Это было новостью. Ну хоть в миллионике то человек может побыть один?! У нас в России видимо нет. Я удивился.

– Да ты не удивляйся, Миша. Наша соседка Люська Крылова в буфете Речпорта работает. Ты у неё обедаешь по воскресеньям.

– Понятно, – отозвался я.

– Ну и где ты всех своих гостей разместишь? Подумал?

Мать честная! У меня же ничего нет лишнего. Один стол, один стул, один стакан, ложка, вилка и сковородка. Я в ней иногда даже суп варил. Быстрого приготовления, Гомельской фабрики пищевых продуктов.

– Ну вот всё за вас должна Фёдоровна думать, – посмотрела вновь через очки на меня комендантша, – куда бы выделись, если бы не комендант.

И она выложила передо мной ключ от комнаты отдыха.

– Возьми стулья, а то гостей и усадить будет некуда. После вернёшь и ключи, и стулья.

Она положила второй с бирочкой заветной. Я его узнал, он висел на почётном месте, в ящике под стеклом.

– Вот ключ от гостевой, пусть бабушки в ней пока поживут, там две кровати. Спать то им где-то надо.

Я был счастлив. Вот это комендант! Я понимаю.

Весь вечер я суетился, обустривая как-то моё холостяцкое жильё. Мне было стыдно, что я так расклеился в своё время и не обустроил его за эти два месяца. И всякий раз, влетая в комнату, я видел на моей кровати лежащее моё беременное чудо, накрывшее ноги курткой. Пледы тоже не было. Как же мне хотелось тоже туда, на кровать. Но Августа Яковлевна с Верой Фёдоровной, как сговорились, гоняли меня немилосердно. Я уже побывал во всех ближайших магазинах и у меня в комнате появилась новенькая посуда, настольная лампа, свежие полотенца, какие-то вёдра, половики, две кастрюли, тазик. Купленные мною шторы, они повесили на входе. Наконец измученный я был посажен за стол. И грянул пир! Стол ломился от привезённого. Надо сказать, что перед этим я внёс в комнату четырнадцать багажных мест! Знай наших! Они привезли, наверное, тонну продуктов и вещей. Как только они это дотащили... Распивать деревенской настойки мы позвали комендантшу, чем её очень обрадовали и доставили приятность. Гости наши разгулялись, разговорились. В другое время я очень люблю такие посиделки, за которыми женщины ведут бесконечные разговоры да такие интересные, что не оторваться. Но на меня смотрели любовные глаза, они тянули к себе, всё понимали, но ничего не могли поделать.

Я думаю, что эти взрослые женщины специально так разгулялись, они то как раз всё понимали, затягивали банкет, чтобы мы посильнее устали, выбились из сил и, оставшись одни, не наделали глупостей. Ведь моя радость была беременная, а мы могли от радости про это забыть.

В общем наша радостная мука кончилась далеко за полночь. И Ба, забрав свои спальные вещи и тюбики, отправилась в гостевую комнату, пригрозив мне пальцем.

Едва закрылась дверь, мы с визгом впились друг в друга и начала рвать одежду, правда на этом всё и закончилось. Возмущённая доча через Леночкин животик напинала меня по печени и включила папе заднюю передачу. А милая от этого попросила срочно тазик. Началась интоксикация. Но мы всё равно были счастливые и прижимались друг к другу. И это было волшебным и невыносимым, во всяком случае для меня...

– Где ты был всё это время? – прижалась ко мне комочком Леночка.

Вот тебе на... Это я где был?! Но разбираться с этим вопросом не хотелось. Хотелось другого...

– Тебя ждал. Когда ты меня найдёшь.

– Ничего не помню. Просто обрезало. Помню за платьем ходили, долго его мерили. Вроде как не нравился плиссированный пояс и эти аппликации, – грустно вздохнула Леночка.

– Ну я то этого ничего не видел, – произнёс я, вспоминая события четырёхмесячной давности. Меня оставили тогда сидеть в общем зале с зеркалами, кушетками, журналами и другими терпеливыми счастливыми.

– Ты же тогда вышла довольная со свёртком, – задумался я, – я заплатил, а перчатки ты выбрала прямо в зале у кассы.

– Какие перчатки, Миша?

– Белые с шестью пуговицами до локтя.

– Дурачок Мишаня, – поцеловала меня Леночка, – я платье выбрала с рукавами, к ним перчатки не выбирают.

Стоп! Стоп! Я очнулся в кресле воздушного судна. Это приснилось что ли? Или она мне подсказывает где искать? Сердце моё билось от ностальгии, подшпоренное таким ярким воспоминанием, а по проходу между рядов шла стюардесса и смотрела на пристёгнуты ли ремни. Мне она помогла и ответила на вопрос:

– Как где? В Челябинске конечно.

И пилоты начали разворот со снижением в том самом городе, где мы с Леночкой выбрали свадебное платье. Это не было простой случайностью. Я уверен. Но как это использовать? Мои спутники частью спали, частью уставились в окно. Майор отсвечивал макушкой из-за переднего сиденья, а у меня ужасно чесались ступни в гипсовых валенках – выздоравливали. Забавно было, что аэрофлот оставил в салоне всю нашу компанию, когда всех пассажиров попросили на выход. Нам с майором не пришлось испытать все прелести повторной посадки, зато узнали много интересного из закулисной жизни авиакрасавиц. Они были заняты делом, что-то грузили, пылесосили, считали, прихорашивались, улыбаясь нам как знакомым, а не по служебной обязанности. Я стал замечать, что это меня очень интересует. Это был хороший признак. В довершение нас угостили коньяком и дальнейший полёт был интереснее. Я попытался, закрыв глаза, опять повспоминать, но увы... Вспоминались только стюардессы.

Пришлось смотреть в иллюминатор, в основном на белые облака, пока судно не начало проваливаться в чёрное облако. Это была Москва. Почему-то вспомнилось, что в Америке есть особенное судно – огромный боинг с изображением сипа белоголового и называется судном «Судного дня». Как вам, а? Я тоже все эти дни по воле крашеной брюнетки из-за своих сломанных ног использовался судном. И каждый раз для меня это был «судный день», потому что подставляла его под меня молодая и красивая. Что за моду взяли брать на такую должность девчонок. На этот случай необходимо иметь что-то нейтральное, даже страшное. Имейте в виду, говорю от всех мужиков. Испытываем муки! Вот как коньячок то действует!

Прямо у трапа нас погрузили в «скорую помощь» и везли куда-то часа полтора. О том, что приехали, мы услышали по звуку закрывающихся за машиной воротами. Военный госпиталь. Отдельная палата на двоих. Стандартный завтрак. Стандартный эскулап, только взрослее. Стандартные процедуры, коляски нам выдали новые и, наконец, позвали проехать за стандартной сестричкой.

– Ну, здравствуй, Михаил, – ко мне подошёл седовласый мужчина. Я с трудом узнал в этом вальяжном мужчине Семёнова Ивана Ивановича, протянул руку и мы по-мужски обнялись. Ему пришлось наклониться ко мне.

– Узнал, узнал, – похлопал меня по плечу Иван Иванович.

– С трудом, ох, уже это время, – с удовольствием отметил я себе, что капитан, тьфу, генерал тот же обычный и простой.

– Товарищ генерал, майор Кислов, – представился мой спутник. И с ним было крепкое рукопожатие.

– Ну что, давайте мужики разбираться со всем этим, – спросил Иван Иванович нас, приглашая проехать вглубь комнаты.

– Вот, Миша, не захотел ты тогда разобраться до конца. Сейчас бы не пришлось.

– Я думал, что всё кончилось, – оправдался я.

– Ну где же, видишь, что творится. Какие девочки пропадают... Капитаны страдают. А ты с майором в окно сигаете. А, впрочем, это только цветочки.

Успокоил Иван Иванович, седовласый генерал произнёс всё это с профессорской интонацией и знакомое ощущение похолодевшего живота дало о себе знать.

– Как же так? – спросил я.

– Да, Миша, да. Мы с тобой люди взрослые. Для нас это не в новинку. Ты должен понимать, что все эти годы мы не сидели сиднем. Профессия не позволяет. Понимаешь?

– Понимаю.

– Да нет, наверное, всё же не понимаешь. Крепись, Михаил, я тебе вот что скажу. Всё это время ты был под нашим негласным контролем. Мы знали каждый твой шаг и вот твой последний разработчик.

Он показал на майора. Тот в извинение пожал плечами.

– Ты, твоя жена, дочь, внучка, родители жены были окружены нашим вниманием, каждый шаг, понимаешь каждый? Даже твои соседи, друг мой Миша, наши сотрудники, твои сослуживцы по работе. Не обижайся, друг, даже твоя дочь вышла замуж за нашего лейтенанта.

– Да как же так, Иван Иванович?

Успокойся, они любят друг друга вроде.

– Успокойся, ты же старый солдат. Дочь в безопасности. Но вот что я тебе скажу, Михаил, это не твоя дочь. Это вообще посторонний человек.

– Как? – начал я хватать воздух ртом.

– Тихо-тихо, вот водички возьми, – он налил из кулера и подал мне пластиковый стакан.

– Крепись, солдат, понимаешь, сейчас у нас в работе совсем другие инструменты нежели в то время, когда мы расстались. Так вот, мы там у тебя в квартире посмотрели без тебя и генные маркеры показали, что никакой Лены рядом с тобой не было никогда. Никогда! Сплошные следы самки диносапиенс.

– А похороны? А Иринка?

– Иринка твоя как раз мутант-полукровка. Но это ничего не меняет. Её тоже рожала не женщина. Как мы лоханулись, – хлопнул себя по лбу Иван Иванович, – ясно же было, что ей надо было уйти, вот и разыграла собственные похороны. – Он кулаком стукнул по столу. Майор сидел, разинув рот.

– А Лена моя где?

Генерал пододвинулся ко мне и глаза в глаза сказал:

– Представляешь, нашли... Жива...

Глава 5

– Да как же так?!

– Миша, ты меня слышишь? – генерал пощёлкал у меня перед носом пальцами.

– Да ладно, – махнул я рукой.

– Мишаня, я думаю, она ушла тогда не просто так. Она видимо дождалась, чего хотела.

– Чего ещё?

– Она, Миша, ушла от тебя беременная мальчиком и дочь свою увела. А у тебя оставила замену.

– А внучка моя?

– Внучка им сейчас понадобилась. Они, наверное, какое-то чувство к тебе испытывали, вот и пожалели. Вот подтверждение, – он указал на наши с майором гипсы, – они вам только ноги переломали.

– А с Леночкой это правда? – промямлил я, понимая в какую чудовищную грязь я вляпался с этими монстрами.

– Да, даже более того, – ответил Иван Иванович.

– Что значит более?

– Понимаешь, Михаил, она в психбольнице здесь, под Москвой, в Добрынихе.

– Давно вы её нашли? Я хочу к ней.

– Нашли недавно. Да её никто и не скрывал. Её оказывается давно уже и несколько раз показывали по телевидению.

– Как?! – воскликнул я.

– Мегастресс – редкое заболевание. К ней со всего мира специалисты едут. Ну не к ней самой, к её доктору.

– А это ещё, что за штука, в чём дело то? Она что инвалидка?

– Ещё бы! Красавица! Да ты что не в курсе, что за болезнь?! Она не стареет. Даже наоборот, она сейчас лет на семнадцать выглядит.

– А может не она это?

– Чудак ты, человек, Михаил. Да мы тогда осенью с неё биопаспорт сделали и дактилоформу полную. Она. Несомненно!

У меня забилось то, о чём я и не задумывался с момента давнишнего гипертонического криза. Вокруг забегали врачи, а генерал, вздохнув, удалился, не прощаясь.

Вот так в одно мгновение понять, что семья твоя вдребезги, что со своей любимой ты пробыл считанные месяцы, что где-то по свету бродят твои дети и внуки, потому что занесла тебя «нелегкая» не в то время и не в то место. И серо-зеленоглазое существо с малиновыми волосами всю жизнь грело о тебя ноги и ласково засыпало на твоей волосатой груди.

В общем такими рассуждениями я себя загонял в ещё большую яму и сухонькая старушка-врач, посмотрев через толстые очки своими гигантскими белками зрачков вдруг резво распорядилась отвлекать меня от всяких мыслей.

В палату принесли плоский телевизор и включили комедии. Прелесть! И она заключалась ещё в том, что пришла спортивная мадам и так меня отделала своими жёсткими кулачками, что очнулся я только поздним утром следующих суток. И, о чудо, я был другим совершенно! Теперь передо мной стояла одна цель – разобраться во всём.

Майор Кислов, всё это время не вмешивавшийся в происходящее, заметил моё изменение и обрадовался как ребёнок.

– Вот таким, Михаил, и надо быть в такой ситуации, – улыбнулся он.

Нет, этот человек был мне симпатичен. И хоть был он по возрасту младше меня, майорский чин обязывал обращаться к нему с дистанцией.

– Иванович, организуй поездку в Добрыниху.

– Уже, Михаил. Генерал распорядился ещё вчера. После обеда в путь.

Позавтракал я в этот день первый раз. Да и голос у меня окреп и не приходилось выдавливать из себя шипение.

– Молодец, – хлопнула меня по плечу сухонькая старушка-врач, закончив свои манипуляции и ощупывания, – разрешаю прогулку.

И, посмотрев поверх толстенных очков, осталась для меня загадкой. Мы, радостные, начали облачаться в принесённые одежды.

– Сколько ей лет? – спросил майор у медбрата, помогающего нам всунуть гипсы в спортивные брюки.

– Клавдия Ивановна ещё Сталина лечила, – с чувством достоинства ответил молодой человек, – можете не сомневаться, на ноги она вас поставит.

В машине скорой помощи с нами было ещё два сотрудника из ведомства майора. Они ему козыряли и называли на «Вы». А вот ехали мы долго и мои конечности, воткнутые в гипсовые полутрубья, начали дубеть. День был прохладный, носки на меня не надели, а на торчавшие пальцы напялили тапочки. По оглядывающемуся майору я понял, что и он в таком же положении.

Наконец мы приехали. На здании была табличка «Больница №2 им. О. В. Кербилова». И мы увидели её, въехав в синие металлические ворота в кирпичном заборе. Место тихое. Двух и одноэтажное здание в стиле «прощайте, мозги» из красного кирпича и такого же колера штукатурки. Нас, двух калек, на колясках приняли за своих и страждующие обитатели оживлённо и радушно загудели, повернув одновременно головы. Тут же, они предложили услуги в перемещении и нас повезли по лабиринтам одного из зданий. Наши спутники замешкались, не ожидая такого напора. Но в этот момент в конце коридора появился огромный детина в коротком халате и навязчивый сервис мгновенно испарился вместе с нахохлившимися менеджерами. У них вдруг возникло срочное дело в другом месте двора.

– Ааа, новички! – с мефистофельскими интонациями в голосе обрадовался огромный детина и, схватив коляску майора, распорядился, – следуйте за мной!

– Нам вообще-то нужен главный врач, – возразил один из спутников.

– Ну мне лучше знать, что вам сейчас нужно, – перебил его детина.

– Эй, уважаемый, сбрось-ка обороты, – взял его за рукав другой и не знаю, чем бы это всё закончилось, но из открывшейся двери вышла высокая женщина в белом халате искомандовала:

– Михалев, стоп! Эти люди ко мне.

Детина отпустился от коляски майора и, развернувшись кругом, не обращая внимания ни на кого, пошёл по своим делам.

– Серьёзные у вас санитары, – подал голос майор.

– Он не санитар, а пациент. Это он играет в санитаря.

– А в кого он ещё может играть? – спросил я.

– Да в кого угодно. На днях был поваром, пришлось кормить отдельно, взялся делить порции больным.

– Вот так запросто разгуливает такой монстр, а если он пожелает быть хирургом, не знаю, забойщиком скота или душителем.

– Он играет в то, что видит. Забойщиков скота в штате больницы нет. С кем имею честь разговаривать?

– Майор ФСБ Кислов Валентин Иванович. А это мои коллеги.

– Главврач больницы Мирошина Ирина Георгиевна. Мне сообщили о вашем приезде. Пройдем ко мне в кабинет.

И мы прошли. На столе, в большой комнате, обставленной современной мебелью и техникой, лежал толстенный стандартный журнал с фотографией на обложке. На нас смотрела... моя Лена!

– Неужели узнали? – поймала мой взгляд главврач. У меня перехватило горло и я лишь утвердительно кивнул головой. Там под фотографией была приклеена принтерная табличка - Улицкая Людмила Викторовна! Шах и мат моей жизни! Хорошо хоть я сидел в коляске, но честно слово, ноги подогнулись даже в гипсовых повязках.

– Вам плохо? – наклонилась врач ко мне.

– Нет, нет, всё в порядке.

– Вот возьмите, – она протянула мне две таблетки валерианки, – на язык и сразу глотаете. Ну, вижу, действительно, узнали. Как хоть её в реальности звали?

– Жукова Елена Дмитриевна.

– А как Улицкую, вы её знали?

– Да. Но реальная Улицкая погибла за год до того, как она стала такой.

– А вот этого быть не может, – усмехнулась Ирина Георгиевна.

– Может, – вступил в разговор майор, – мы предоставим вам материал. Но сейчас надо понять как давно она у вас и что с её ребёнком.

– Невероятно! Мало того, что это уникальный случай человеческого заболевания, тут и замена личности! Невероятно! Да она рожала, это вот и в медкарте отмечено, но к нам она поступила уже взрослой женщиной. Мы кое-как восстановили её память и личность как Улицкой. Но то, что вы сообщаете, невероятно!

У меня немного отлегло от сердца, всё-таки какое-то время мы жили вместе и в ту счастливую осень это была всё-таки моя Лена.

– А сейчас она серьёзно больна!

– Ну как вам сказать... Физически она совершенно здорова, работает у нас сотрудницей в регистратуре. Живёт здесь же.

– Но почему?

– Понимаете, раз в месяц у неё случаются приступы. Мы её наблюдаем. Лечим. Случай уникальный. А почему бы и нет? У нас есть служебные комнаты для командировочных, в одной из них она и живёт. Мы ведь за ней наблюдаем ещё по одной причине. У неё уникальное заболевание – мегаэустресс – синдром гормональный уровень зашкаливает. Очень редкий феномен, очень. Не описанный в мировой литературе.

– Почему в психбольнице? Почему генетики не заберут к себе? – спросил майор.

– Куда, извините, куда? Во время приступов её приходится изолировать, а это наша работа.

– Изолировать?

– Лечить заболевание мозга, – вздохнула она, – видимо то, что вы мне сейчас сообщили, можно как-то использовать для лечения.

– А этот стресс-синдром?

– Мегаэустресс-синдром? Это... – задумалась она, – это омоложение. Вот это, – она повернула ко мне медицинскую карточку, – снято три месяца назад.

– Как? – воскликнул я. – Не может быть, такой она была в тот год, когда мы встретились. Двадцать один год, а сейчас ей сорок два.

– По биомаркеру семнадцать или восемнадцать.

Мы молча посмотрели друг на друга. Доктор встала и, нажав на кнопку селектора, попросила пригласить к ней Людочку.

Через три минуты в открывшуюся дверь вошла моя Леночка!

– Здравствуйте, Ирина Георгиевна! Вы меня вызывали?

– Да, Людочка. Вот наши гости желают с тобой поговорить. – Главврач вышла из-за стола и двинулась к ней навстречу.

– Как ты себя чувствуешь? – посмотрела она в глаза, – ну вот и хорошо. Поговори с людьми.

– Я не против, пусть задают вопросы, – повернулась к нам девушка.

Мои спутники и главврач уставились на меня.

– Ой, а вас я знаю, – обратилась девушка ко мне.

Нет, вы представляете, как у меня забилось сердце!

– Вы, наверное, отец того страшного человека, из-за которого меня сюда упекли? Очень похожи.

Единственное, что мне оставалось сказать, ведь все остальные, даже врач, замолчали.

– Да нет... Это я сам и есть.

Леночку-Людочку это поразило. Она оглянулась на Ирину Георгиевну, но, чёрт побери, она была прекрасна! Знакомый до боли румянец вдруг разлился по её щёчкам. Она уставилась на меня и от усердия даже сдула привычным движением упавшую прядь чёрных волос на глаза. Это была действительно моя Леночка!

– Ирина Георгиевна, чего они меня пугают? Что это за розыгрыши?

– Успокойся, девочка, – повернула к себе её врач, – мы хотели посмотреть может вспомнишь что-нибудь. Этот человек знает многое про твою жизнь до болезни. Просто поговорите немного.

– О чём, Ирина Георгиевна?

– Ну ты же человек опытный. Тебя часто спрашивают журналисты и специалисты. Вот и отнесись к этому также. – И, обернувшись ко мне, произнесла: – Спрашивайте наконец.

– Леночка, где наша дочь? – спросил я сухим от волнения языком.

Девушка заметно растерялась и врач попросила:

– Называйте её лучше Людмилой.

– Нет, я буду называть её Леночкой. Для меня она Леночка.

Девушка растерянно оглянулась, ища куда бы присесть, и прошла к кушетке у стены. Там она присела и закрыла лицо ладонями.

Установилась мёртвая тишина. Все ждали реакции девушки. Врач присела рядом и, погладив её по голове ласково, произнесла ей на ухо.

– Ну, хочешь, я отпущу тебя? Скажи мне, я прекращу.

– Не помню. Я думала, что это мой сон.

– Успокойся, девочка. Ладно, хватит, иди работай.

– А можно я ещё раз посмотрю?

Врач кивнула головой и девушка из-за плеча уставилась на меня. Наши глаза встретились. Я понял вдруг. Она меня узнала, я не мог ошибаться. Девушка поднялась с кушетки и пошла на выход, но у двери снова посмотрела на меня. И снова в точку. Мы сцепились взглядом.

– Да, – вздохнула врач, – вы правы. Что-то произошло. И я буду вас просить остаться на некоторое время, конечно. А от этого, – она постучала по моему протезу пальцем, – мы сами в состоянии вылечить. Согласны?

– Конечно, – обрадовался я.

– Я тоже остаюсь, – подхватил майор, – а вы каждый день здесь.

– Вот и хорошо, побудьте в кабинете. Я распоряжусь об отдельной палате.

А когда главврач вышла, он обратился к одному из офицеров.

– Давайте-ка, ребятки, привезите чего-нибудь, а то я совсем расстроился от этого. Закуски побольше и носки не забудьте, а то я уже засох. И быстро. – Он сунул офицеру крупную купюру. – Один остаётся на охране. Кто, решайте сами.

В общем через час мы уже устраивались в отдельной палате на втором этаже. Я радостно разместился на кровати и, не обращая внимания на весёлую предпитейную возню майора с охранником, провалился в глубокий колодец. Проснулся я уже поздно вечером. Майор громко храпел, а охранник свернулся калачиком на третьей койке. Тихонько открылась дверь и женская ладошка помахала мне, чтобы я подъехал к двери. Я пожал плечами и показал рукой на ноги в гипсе. Тогда лёгкая и воздушная девушка подпорхнула к моей кровати и, чмокнув меня в щёку, шепнула:

– В полночь подъезжай к лифту. Буду ждать.

И упорхнула, шурша халатом и оставив облако ярких духов.

Майор чихнул...

Глава 6

– Что тут происходит? – показал он профессионализм «конторы», догадавшись, что какие-то события развиваются без его участия.

Теперь, чтобы увлечь вас, мой читатель, я должен бы начать отнекиваться и отправиться на свидание на свой страх и риск. Но опыт и возраст уже любителя блюза, подсказал, что этот танец делать лучше под контролем, и я произнес заветное:

– Приходила Леночка!

– Вот это номер! – подпрыгнул на своем ложе майор.

По глазам его было видно, что он желает нашей встречи не меньше моего.

– А если провокация? – задумчиво произнес он.

– Понимаешь, Иваныч, когда нас попросили прогуляться в окно, я всё же, по-моему, узнал её.

– А что молчал то?

– Не уверен был, но вот сегодня, когда увидел Леночку, понял.

– И что ты, Михаил, понял?

– Они очень были похожи. Особенно глаза. Или они родственники или...

– Ну?

– Или хорошо знакомы. Пойми, я ведь чувствую каждой клеткой. Она!

– Значит так, – начал размышлять вслух майор, – с территории больницы ни шагу. Ты сможешь себя контролировать?

– Смогу, – утвердительно в своей надежде на «животворящий» анекдот, ответил я.

– Хотя какая тут гарантия, прах нас побери.

– Да нет, есть гарантия, я думаю, есть!

– Почему? – удивился майор.

– Почему то нам переломали лишь ноги.

– Ну-ну, – даже наклонился Иваныч, – говори дальше, не тяни kota за хвост.

– Хитрые они, всё просчитывают, и думаю, нашу встречу с Леночкой или не Леночкой тоже просчитали. Ноги – это чтобы мы оставались на месте.

Я даже вспотел от догадки.

– Уверен, здесь она одна, ну в одном экземпляре.

– Да! – одобрительно засмеялся майор, – вижу, выздоравливаешь и мозги начали работать. Но... – тут он поднял указательный палец вверх, – то, что Леночка твоя это она, не факт!

– Это как раз легко проверить.

– Её или тебя могут использовать как приманку. Только вот кто.

– Доктор? Она сразу мне не понравилась. Не знаю, – пожал он плечами.

– Почему?

– Ну чего она в эту девушку вцепилась то? Давно бы уже нам передала, «контора» всё бы выяснила по тихому.

Майор видимо был этим озадачен и надолго примолк.

В общем, отправляясь в коридор, в уснувшем здании мне предстояло прошмыгнуть мимо дежурного медработника. И отвлечением его от желания остановить меня занялся майор. Мы конечно понимали, что на счет нас было какое-то распоряжение. Иначе чем объяснить «либеральное» отношение с вечерним ужином. Но подводить Леночку не хотелось. Она то была местная. Их оказалось двое. Санитар и медсестричка в очках. Майор, сославшись на бессоницу, попросил включить телевизор и во все глаза уставился в экран.

Добрался я до лифта беспрепятственно. Правда, по дороге в одной из палат слышался негромкий говор и тянуло сигаретным дымком. Не одни мы нарушали больничный режим.

В темноте у дверей лифта ждала меня женская фигура в медицинском халате и блестела глазами. Вы когда-нибудь приезжали, тьфу, приходили на свидание к своей собственной жене, заметно помолодевшей и к тому же умершей двенадцать лет назад?! А я явился. И хоть это было не первое в моей жизни необычное событие, я заметно волновался.

– Леночка, ты давно ждешь? – почти шепотом спросил я.

– Мне не нравится, когда меня называют этим именем. Зовите меня лучше Людмилой.

– Почему на вы?

– Подождите немного, привыкну хоть.

Она взяла меня за руку и довольно надолго посмотрела в глаза. Мышечная память не голый звук. Я понял, что это она. Еще и потому, что во мне что-то начало включаться. Все интерфейсы, уснувшие после ее «ухода» и засохшие за эти годы, начали оживать. Конечно, я не монах-отшельник и все эти годы, нет-нет, а выходил на охотничью тропу. Но все трофеи как-то сразу забывались. Но тут! Чудотворные глаза моей Леночки сверлили и увлажняли мое сердце.

Она улыбнулась и нажала кнопку лифта. Ночь была чудесна. Пахло растревоженной землей, распутившейся листвой тополя и стояла первозданная тишина. Только по асфальту шипели шины моей коляски. Кто-то сверху со второго этажа произнес веселым голосом:

– Во, врачи куда-то нашего брата повезли.

Леночка оглянулась и её черная коса упала мне на плечо и щекотила ухо. В общем, по асфальтным дорожкам был я привезен в отдельно стоящее здание в глубине двора, из-за которого выглядывала церковь!

– Это что? – удивился я.

– Тут же был женский монастырь когда-то. В крохотной комнатке было чисто и аккуратно, с потолка светила лампочка в пластмассовом абажуре и освещала крохотный столик, на котором было две накрытые тарелки и красивые стаканчики. Хозяйка подготовилась! Она достала из-за кровати бутылку с темной жидкостью и разлила.

– Также как тогда? – сказал я.

– Не будем говорить загадками, – ответила Леночка и, приставив стул вплотную к моей коляске, присела, подавая стаканчик. Это было вино! Немного странное на вкус: терпкое и вязущее, но крепленное.

– Ах, да, закусывай, – открыла она тарелки.

Там был салат и колбасная нарезка.

– Специально резала? – спросил я и поставил пустой стаканчик на столик.

– А как же, для гостя!

– Ты меня узнала!

– Какая разница?

– Мне важно знать.

– Зачем? Глупости всё, – блестела глазами она.

– Нет, не глупости, я хочу разобраться.

– Начинай, – и она уселась на мои колени.

Я взвыл.

– Ой, я позабыла, извини. Тебе больно?

Но она не сказала фразу «мой красавчик», и это обнадежило. У меня затеплилась надежда, что она признается, но рукой по моей щеке она всё же провела.

– Ты здорово похож на того парня...

– Какого?

– Он, наверное, твой сын. Я его ударила банкой со сметаной.

– Хоть это помнишь.

– Почему же? Я не дура.

– А меня не узнаешь или делаешь вид?

К этому времени начало своё действие вино и нас потянуло навстречу, со страшной силой. Мы начали узнавать себя с чудовищного поцелуя на удушье. Потеряв квалификацию, я неприлично долго возился с её пуговицами, она засмеялась и помогла. Да ей, действительно, лет двадцать! Но на этом всё и кончилось, валенки из гипса мешали.

– Ты здесь надолго? Я дождусь, когда тебя из них вынут, – поинтересовалась Леночка – Людочка, наливая новую порцию терпкой жидкости. Смотреть на неё было больно, это было действительно Лена, я знал её каждую родинку.

– Ты – крепкий и надёжный, – прильнула она к моей груди. – Всю жизнь хотела чего-нибудь надежного.

– Не всю.

– Почему?

– Потому что мы были вместе десять лет и ты была в моих надежных руках.

– Обними крепче!

Я выполнил требование, чуть не задохнувшись от восторга.

– Нет, не помню.

– Ну как же? А наша девочка? Наша доча?

– У меня был ребенок. Но при чем тут ты? – блеснула глазами Леночка. – А! Ты думаешь твой сын или кто он тебе? Тот, на остановке, – она задумалась, назойливый такой, потом в больнице меня доставал. Кстати не один. Там еще семейка из Челябинска, по-моему.

– Твои папа, мама и брат Юрий.

– Вот-вот, – подтвердила она, – кстати, мы не сделали главное.

– Что?

– Не познакомились. Как хоть тебя зовут?

– Михаил.

– Ну так и знала, того тоже Михаилом звали. Странно. Неужели и вправду ты?

– Чудо ты, Лена! Столько людей тебе говорят, что я это я, а ты это Лена, а с тебя как с гуся вода!

– Ну почему я должна врать?

– Не врать, а попытаться вспомнить, очень тебя прошу. Постарайся!

– Может так вспомню, – и она снова уселась на колени.

Что ж, пришлось терпеть, одно вознаграждение, что мы иногда всё же расцеплялись вдохнуть воздуха...

– Вы с ума сошли! – заорала на меня главврач утром, едва мы с майором въехали к ней в кабинет.

Мы почувствовали себя маленькими детьми, когда она встала из-за стола и повисла над нами как глыба.

– Я понимаю, у вас свои цели, – злобно рычала она, смотря на майора, и даже ваше горе, – она посмотрела на меня, – но вы должны, понимаете, должны, черт вас побери, понимать, что это за человек! Это единственный случай за историю человечества, когда идет противоположный процесс. Она не стареет, а становится моложе. Это нарушение всех принципов биологии, не говорю уже про второе начало термодинамики. Вы двое, гадкие эгоцентристы! Не можете понять, что у неё мозг работает по-другому. Это единственный случай! Может болезнь, может продукт эволюции, но мозг сейчас практически заменил её кровь гормональным настоем. Вы думаете, зачем мы раз в месяц прячем её в изолятор? Она просто может себя убить. А вы совершили вчера ужасную провокацию! У Людмилы сейчас приступ и мы ее поместили в изолятор. Не желаете взглянуть?

– Как в изолятор? – вырвалось у меня. – Я вчера уходил от нее, с ней было всё в порядке.

Главврач не ожидала моей реакции и изумленно молчала.

– И вообще, у нас была обычная невинная встреча, мы просто беседовали, всего лишь беседовали, – спокойно говорил я.

– Как беседовали? – удивилась она.

– Видимо, вам не известно, но для беседы необходимы целые ночи. Товарищ майор, предупредите Ирину Георгиевну, что после обеда мы хотим пообщаться с Леночкой.

Майор понял, что я что-то придумал и подтвердил моё требование. Мы выкатились из кабинета главврача.

– Ты что-то решил? – спросил он в коридоре.

– Подожди, дай доехать до палаты.

И, едва мы остались вдвоем, я тут же налетел на дежурного офицера, который всё это время бездельничал, рассматривая газеты.

– Вот что, друг, лети срочно в магазин детских игрушек и купи нам с майором пару калейдоскопов.

– Что это такое? – задал вопрос продукт своего времени.

– Это такая трубочка с зеркальцами внутри. Ну, в общем, найдешь, если захочешь, – распорядился майор, – запомни название.

А когда офицер испарился, он обратился ко мне:

– Ты что-нибудь придумал?

– Так может это глупость, подождем до обеда.

Кормят больных в таких заведениях очень даже хорошо. Мы питались с майором в палате, но нам перепал густой борщ-рагу со сметаной. Для русского человека борщ – это почти как пудинг для англичанина. А котлета с лошадиную подкову в толченке убедила в порядочности персонала больницы. Однако всё великолепие перечеркнул компот, вот не знаю, что они туда кладут, но за такой компот можно совершить подвиг. Ну, может и малость перегнул, но на что-то эпическое он настраивал.

Майор стонал от удовольствия и, всё жалел, что всё это нельзя отполировать ста граммами алкогольного продукта. Он посмотрел на меня, пьющего восхитительный компот и весело заметил:

– Ты особенно не радуйся компотику. А что, если Ирина Георгиевна что-нибудь туда плесканула и ты больше о женщинах и не вспомнишь?

Я как-то об этом не подумал. Тут же в проеме двери возник офицер с целлофановым пакетиком. И пока мои спутники тихо покуривали, я раскрутил детские игрушки, вытащив задник и надев на это место пустое кольцо. Получилась подзорная труба, дающая двенадцать изображений сразу. Вы, наверное, уже поняли мою мысль.

Нас пригласили проехать к лифту и, пока показавшийся синклит эскулапов в конце коридора, я вынул из-под халата калейдоскопы и сунул майору.

– Гляди! – и тут же взглянул сам.

– Твою мать! – чуть не заорал майор, что по итальянски звучало бы как – Мама мия!.....

Глава 7

Первая моя мысль была – вот зря мы это сделали так открыто! Зря!

Я понимаю, что слово «русский» значит «вольный», «свободный» и «целеустремленный». Но для приятного разнообразия это еще и «думающий потом».

К нам приближалась целая орава «милашек», тех самых, что были в подземельях Челябинска 60.

– Нам лучше в лифт не въезжать, – рыкнул майор, видя, что эскулапы заметно ускорились в своем желании подойти к нам.

– Они не будут спрашивать, – ответил я и ринулся к ним навстречу, желая принять позицию поближе к лестнице, ведущей на волю и внутренне обрадовавшись, что майора внешний вид «милашек» не ввёл в когнитивный ступор.

Ой, как у меня чесались... ноги! Но, увы, в челюсть мне зарядили с легкостью шрайбикуса-двоечника и все остальные действия я осуществлял под знаком звезд.

Майор же оказался красавчиком, он ревел как белый медведь в жару и от этого лопались лампочки под потолком, я так думаю, глаз то на затылке у меня не было. А то, что он эффективен, свидетельствовало, что несколько раз кто-то из белых халатов прокатывался мимо меня. Я же схватился с огромной псевдо-главной врачницей и она уже сидела на мне верхом и мы ехали к краю лестничной площадки, а далее только водопадики лестничного марша. Правда, она провела захват на удушение и я ничего не смог поделаться, сдуваясь на глазах. Но рык майора добрался наконец до ушей нашего охранника и я краем глаза видел, что он приближался к месту битвы огромными прыжками. Более того, было видно, что следующим прыжком этот молодой и сильный человек прибудет в эпицентр майоровского спектакля. Я в его планы спасения не входил. И тут остатками сознания я понял, что своя рубашка ближе к телу и вытянул свои загипсованные ноги. Этого хватило, чтобы охранничек об них запнулся, падая, опрокинул наш лечебный тандем вверх ногами и мы втроем: моя коляска, я и псевдо-врачиха начали спуск по лестничному маршу на докторе. От неожиданности содеянного глаза существа были полны ужаса, пока она головой не воткнулась в чугунную батарею. Салют и хеппи энд! Я получил возможность хапнуть воздуха, а мимо меня запрыгали белые халаты, скатываясь вниз и бросая своего «побратима». Я же понял, что псевдо-врач без сознания, она начала известное мне преобразование очень похожее на маскировку хамелеона.

– Михаил, ты как? – над ухом пробасил майор, добравшийся до нас ползком на боку, – ничего себе!

Через сорок минут у нашего корпуса остановились несколько новеньких машин с надписью «Скорая помощь» и эмблемой от нуля до трех.

К этому времени мы с майором приказали офицеру нашей охраны надеть наручники на псевдо-доктора, а когда она очухалась, отвести в нашу комнату и уже там приковать ее к батарее отопления. Это был наш трофей! Кроме этого, в подсобке первого этажа мы нашли связанных настоящих врачей. Их освободили, они притихшие и стеснительные, молча глядели на нас, пили воду и о чём-то перешептывались. Как я понял, они превратились в пациентов своей собственной больницы. Врачи из других корпусов, обслуживающий персонал суетился вокруг нас, охал и спешил исполнять наши указания. Они были наверное в прострации от мысли, что их шеф и всё подшефье съехало и наивно хлопает ресницами. Я послал двух санитаров за Леночкой. Та тоже пришла как ни в чём не бывало, хлопала ресницами и только один раз подмигнула мне.

В приехавшей машине, между прочим, оказался и сам генерал Иван Иванович. Псевдо-врача ту же, надев на голову пакет и сковав ноги, увели в одну из машин молчавшие фельдшеры. Что делать с реальными эскулапами, не знал никто. Среди приехавших всё же были наверное

и люди с медицинским образованием, очень даже профессиональными были их движения. Они осмотрели эскулапов, посветили им в глаза, проверили рефлексy и провели другие замеры. Причем пострадавшие выполняли все их распоряжения, как дети, охотно и заинтересованно. А когда главврачу Ирине Георгиевне было приказано открыть рот и сказать «А-а-а», они хором, как по команде, все открыли и сказали «А-а-а». Ответ был налицо! Фельдшер оглянулся на нас и сказал:

– Готовенькие!

Иван Иванович очень тепло с нами поздоровался, а меня хлопнул по плечу.

– Вот нельзя тебя, Михаил, и на день оставить без присмотра.

– Иван Иванович, для чего всё это? Для чего весь маскарад с таким шумом? Чего они хотели? Могли бы всё потихоньку, мы бы даже не заметили.

Генерал показал нам, чтобы мы ехали в свою палату. Когда мы так сделали, генерал зашёл следом и, закрыв дверь, присел на кровать.

– Понимаешь, Михаил, это не наши. Ну в смысле не российские существа. Их очень немного, ну, может сотня во всем мире. Теперь мы точно знаем, кто они и зачем тут. Мы бы знали больше, если бы майор Синельников их тогда бы не пристрелил. Вот, Миша, заварили вы тогда кашу. Так вот, главное то в чём? Способных к размножению у них вообще три особи. Одна, ты знаешь, умерла при тебе. Вторая, Миша, тут, – он посмотрел на меня долгим взглядом, – вторая родила от тебя девочку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.